

ОХОТА НА КАБАНА

Как королевская дичь стала нечистым животным: история переоценки

В древнем мире греки и римляне, германцы и кельты придавали охоте на кабана особое значение. В раннем Средневековье и даже после 1000 года ситуация не изменилась: охота на дикого кабана продолжала оставаться вмененным королевским и дворянским ритуалом, а столкновение с кабаном в поединке — героическим подвигом. Однако, начиная с XII века, в княжеской среде эта охота становится менее популярной. На рубеже Средневековья и Нового времени пренебрежение к ней, по видимости, только усиливается. Каковы причины этого? Животное потеряло былой престиж? Появились новые охотничьи практики? Изменились функции и цели охоты? Наконец, спад интереса к этой охоте произошел во всем христианском мире или только во Франции и в Англии? На самом деле о снижении интереса в первую очередь свидетельствуют охотничьи трактаты, составленные как раз в этих странах. Однако впоследствии, с конца XIV века, в значительной части Западной Европы, насколько можно судить по приходно-расходным книгам, нарративным текстам, литературе и иконографии, происходит тот же процесс.

Если рассматривать кабана изолированно, то ответить на поставленные вопросы будет нелегко. Можно, конечно, изучить эволюцию символического дискурса об этом животном по bestiариям и энциклопедиям, сборникам *exempla*, книгам о псовой охоте, литературным текстам и всевозможным изображениям. Но и тогда историк вряд ли достигнет своей цели. То, что кабан

в христианском бестиарии утратил былой престиж, не вызывает сомнений, однако это мало что объясняет. Зато если исследователь поместит это животное в контекст более широкой проблематики, одновременно затрагивающей отношение Церкви к охоте и функции королевской и княжеской псовой охоты на Западе от эпохи Меровингов до XIV века, станут лучше понятны причины и различные аспекты этой переоценки. Охота на кабана раскроет нам все свои смыслы только при сопоставлении с двумя другими охотами — на медведя и особенно на оленя.

Римская охота

Римляне любили охотиться на кабана. Кабан — благородная дичь, грозный зверь, восхищающий своей силой и смелостью. Это чрезвычайно опасный противник, который бьется до последнего, предпочитая смерть бегству или отступлению. Уже поэтому это достойная уважения дичь и желаемая добыча для охотника. Тем более что охота на кабана, чаще всего пешая*, заканчивалась поединком лицом к лицу, лоб в лоб. Чтобы загнать дичь, использовали собак и расставляли сети, но в решающую атаку на разъяренного зверя человек шел один: не страшась ни нападения, ни рева, ни отвратительного запаха животного, он пытался добить его рогатиной или ножом, ударив в горло или между глаз. Победа над кабаном — это всегда подвиг. Редко кому удавалось избежать ранения от клыков или колючей щетины животного⁹⁷.

Напротив, к охоте на оленя (а на козулю тем более) относились с безразличием или пренебрежением. Это животное считалось слабым, пугливым и презренным: оно спасается бегством от собак, пока наконец не сдастся и не даст себя убить. Солдат, не отличающихся храбростью, бегущих от врага, называли, по его образу и подобию, *cervi* (олени)⁹⁸. Вместе с тем оленина считалась рыхлым и не очень полезным для здоровья мясом; и на

* Греки и римляне редко охотились верхом. Однако в Риме периода империи под влиянием восточной моды получают распространение некоторые формы конной охоты.

столе у римского патриция не встречалась*. Наконец, оленевые обитают в такой местности, где благородную охоту обычно не устраивают, предпочитая более тенистые и пересеченные участки. Гон или травля оленя не приносят ни славы, ни удовольствия; знатный человек или уважаемый гражданин не должен предаваться такой охоте — это дело крестьян. «Оленя оставишь селянину» (*servos relinques vilico*), — советует в конце I века н. э. поэт Марциал в своей знаменитой эпиграмме⁹⁹. Это мнение разделяют большинство авторов, которые пишут об охоте: олень — презренная дичь, благородством отличаются лишь лев — которого не едят, и это доказывает, что охота была прежде всего ритуалом, а уже потом добыванием пропитания, — медведь и кабан. О последнем они могут писать бесконечно, подчеркивая неистовость и дикость этого зверя, который молнией выскакивает из своего логова, круша все на своем пути, а потом, оцетинившись, с горящими глазами, в боевой готовности разворачивается к охотнику¹⁰⁰. Вот некоторые прилагательные, описывающие этого необычного зверя (*aper*), которые я смог найти у латинских поэтов I века до н. э. и первых двух веков нашей эры: *acer* (буйный), *ferox* (необузданный), *ferus* (дикий), *fremens* (рычащий), *fulmineus* (молниеносный), *rubicundus* (пылающий), *saevus* (свирепый), *spumans* (взмыленный), *torvus* (грозный), *violentus* (жестокий). В этих топосах** доминирует идея взрывной ярости, подчеркивающая опасности подобной охоты.

То же восхищение, смешанное со страхом, испытывают и германцы. Столкновение в поединке с медведем или кабаном является для всякого юноши необходимым ритуалом для обретения статуса взрослого и свободного воина. Немецкая лексика, кстати, подтверждает символическое родство между двумя этими животными: слова *Bär* (медведь) и *Eber* (кабан) имеют общую

* André J. *L'Alimentation et la Cuisine à Rome*. Paris, 1961, p. 118–120. Отметим, что Библия, в противовес римским традициям, считает оленину самым чистым мясом (Втор 12:15, 22; 15:22) и тем самым снабжает средневековое христианство весомыми аргументами, подкрепленными авторитетом Писания, в пользу чистоты этого животного, вынося за скобки дикий характер самой охоты и кровавых обычаев разделки и распределения туши после убийства животного.

** Общее место. — Прим. ред.

этимологию и примыкают к обширному гнезду слов, группирующихся вокруг глагола **bero*, который означает «сражаться» или «бить». Как и медведь, кабан — символ смелости, символ воина¹⁰¹.

У кельтов кабан также отличается доблестями взрослого мужа, но — самое главное — он является преимущественно королевской дичью. Кельтская мифология изобилует примерами, когда короли или правители пускаются в бесконечную погоню за вепрем, особенно за белым, который увлекает их за собой в потусторонний мир. И снова кабан составляет пару с медведем, которого кельты считают царем зверей: кабан одновременно является и его двойником, и его противником¹⁰². Король Артур, имя которого, образованное от индоевропейского корня *art-*, означающего «медведь», являет собой пример архетипического правителя, который преследует кабануху или вепря¹⁰³. Это образ светской власти (король и медведь), которая тщетно гонится за властью духовной (друид и кабан). Ряд французских или англо-нормандских литературных текстов XII–XIII веков, сохранивших некоторые элементы богатой кельтской мифологии, связанной с диким вепрем, изображают охоту героя (Гингамора, Обри Бургундца, Тристана) на белого кабана, в результате которой персонаж оказывается вовлечен в бесконечные авантюры и даже в мир мертвых¹⁰⁴. Такая символическая охота уходит корнями в очень древние традиции¹⁰⁵.

Книги о псовой охоте

Преклонение перед охотой на кабана и перед самим кабаном сохраняется на протяжении всего раннего Средневековья¹⁰⁶, особенно в германских странах, о чем свидетельствуют археология, топонимика, право и агиография¹⁰⁷. Однако во французских трактатах о псовой охоте XIII–XIV веков ничего подобного мы не встречаем. Их авторы благородным зверем, королевской дичью считают оленя, а отнюдь не кабана. Некоторые, как например Гастон Феб, граф де Фуа, автор «Книги об охоте», составленной в 1387–1389 годах, выстраивают настоящую иерархию различных видов охоты, во главе которой ставят охоту на оленя; другие, как Генрих де Феррьер, не предлагают жесткой иерархии, одна-

ко непринужденно начинают свои сочинения именно с охоты на оленя, уделяя ей гораздо больше внимания, чем всем прочим видам охоты; несколько авторов, как, например, анонимный автор «Охоты на оленя»¹⁰⁸, создание которой можно отнести ко второй половине XIII века (восток Франции?), или же Уильям Твити, старший ловчий английского короля Эдуарда II, написавший около 1315–1320 годов «Искусство псовой охоты»¹⁰⁹, даже посвящают царю оленевых целую поэму или отдельное сочинение; для кабана это слишком большая честь. Но самое главное, дискурс об олене никогда не показывает его с плохой стороны и всячески превозносит охоту на этого зверя. Вот что пишет Гастон Феб:

Хороша охота на оленя, ведь какое это славное дело — оленя выслеживать, и славно, когда он разворачивается и срывается с места, и славно гнать его, и славно загонять, и славно слышать собак, лающих на него, сгоненного в воде или на суше, и славно отдавать собакам причитающееся, и славно свежевать его, и разделявать, и отрезать каждому его долю, славная и хорошая добыча — крупная дичь. Славный и отрадней зверь — олень, и я почитаю охоту на него самой благородной¹¹⁰.

Те же или почти те же рассуждения мы встречаем еще у троих авторов кинегетических* сочинений XIV века: у Гаса де Ла Биня, капеллана трех последовательно сменявших друг друга королей Франции, всегдашнего участника королевских охот и автора «Романа об охотничьих забавах» — длинной поэмы, написанной между 1359 и 1373/1379 годами¹¹¹, где среди прочего утверждается, что музыка ловчих прекраснее музыки, звучащей в королевской часовне; у Ардуэна де Фонтен-Герена, который заканчивает в 1394 году книгу «Сокровище псовой охоты», посвященную Людовику II Анжуйскому¹¹², где увлеченно классифицирует самые лучшие леса, самых лучших охотников и самые примечательные сигналы рога; и наконец, самое главное — у Генриха де Феррьера, нормандского дворянина, о котором нам мало что известно, кроме того, что он написал знаменитые «Книги о короле Модусе и королеве Рацио», созданные несколько раньше, между 1360 и 1379 годами; Генрих не устанавливает жесткой

* *Кинегетический* — имеющий отношение к охоте. — *Прим. перев.*

иерархии различных видов охоты, но все-таки признается, что предпочитает охотиться на оленя:

Далеко не всем людям свойственны воля и храбрость, напротив, природа у каждого своя, и потому Господь наш Бог учредил несколько забав, всякую на свой лад, чтобы каждый мог найти потеху себе в удовольствии в соответствии со своей природой и своим положением; ибо одни принадлежат к богатым, другие же к бедным, и потому я разделю их в согласии с порядком вещей. И начну я с ловли оленей и с того, как охотятся на них с собаками. Каковая потеха — самая отрадная из всех¹¹³.

Гастон Феб, неутомимо восхваляющий оленя, все-таки отдает должное и кабану. Конечно, согласно его классификации, кабан не только входит в число крупных животных, *grosses bestes*, (наряду с оленем, ланью, медведем и волком), но также числится среди зверей клыкастых, *bestes mordantes* (наряду с медведем, волком, лисой и выдрой), зверей смердящих, *bestes puantes* (наряду с волком, лисой и барсуком) и зверей черных, *bestes noires* (наряду с медведем и волком). Но Гастон Феб также считает кабана смелым и гордым зверем, который не хитрит и бьется до последнего; и поэтому он, в отличие от оленя, чрезвычайно опасен:

У этого зверя самые мощные клыки и он всегда готов убить и человека, и зверя; нет ни одного зверя, который убивал бы в поединке, если только это не кабан, не лев и не леопард [...]; но ведь ни лев, ни леопард не убивают ни человека, ни зверя одним ударом [...]; кабан же убивает с одного удара, как ножом¹¹⁴.

Генрих де Феррьер, напротив, суровее всех настроен по отношению к кабану. Королева Рацио, выражающая всеобщее мнение, видит в этом животном воплощение всех сил, враждебных Христу. Кабан противопоставлен оленю: десять христологическим «свойствам» оленя противостоят десять дьявольских качеств кабана. Кабан, по мнению королевы, безобразен, черен и щетинист; он обитает во тьме; он коварен, вспыльчив и преисполнен спеси; он тот, кто ищет драки; он обладает ужасным оружием, коим не уступит и пасти адовой: «два клыка торчат из пасти его»; он всегда зарывается головой в землю и никогда не обра-

щает взора к небесам; он целыми днями роется в земле и думает только о земных наслаждениях; он нечист и в грязи находит удовольствие; копыта его кривы и похожи на пигаши*; наконец, он ленив: вдоволь порывшись в земле и утолив свой голод, он думает только о том, чтобы залечь и отдыхать. Он — враг Христа. Он — сам Дьявол¹¹⁵.

*От кинезетических сочинений
к архивным документам*

Падение престижа охоты на кабана не является исключительно аллегорическим или литературным феноменом. Его подтверждают и архивные документы. Действительно, начиная с середины XIV века, по крайней мере, во Франции и в Англии, содержание регулярной своры, натасканной на кабана, как правило, больше не значится отдельной статьёй расходов в королевских или княжеских расходных книгах¹¹⁶. Для такой охоты требуется много смелых и выносливых собак; они часто погибают при столкновении с кабаном, а значит, свору нужно постоянно пополнять¹¹⁷. Уже поэтому содержание такой своры обходится весьма дорого. А с тех пор как охота на кабана перестала считаться королевским и княжеским делом, или, точнее говоря, когда ей перестали предаваться с прежним усердием, в постоянном содержании такой своры уже не было необходимости. Действительно, в хрониках, а нередко и в архивных документах, мы можем прочесть о том, что некий князь, решивший устроить охоту на кабана, но не имевший собственной своры или же отказавшийся от ее содержания, одолжил ее у другого князя или даже у вассала, что еще более показательно с точки зрения снижения престижа этого вида охоты¹¹⁸.

Из других источников — дидактических, повествовательных или бухгалтерских, — относящихся к Бургундскому, Бурбонскому и Анжуйскому дворам конца XIV — начала XV века, мы узнаем, что отныне князья и короли охотятся исключительно на

* Мужские башмаки удлиненной формы, модные в аристократической среде; выглядят довольно вызывающе, так как имеют загнутые, наподобие бараньего рога, носы.

оленя, в то время как охота на кабана стала делом ловчих, превратившихся в профессионалов¹¹⁹. Охота на этого особенного зверя, *beste singuliere*, «черного, клыкастого и смердящего», — теперь уже не столько аристократический ритуал, сколько обычная облава, цель которой — истребить слишком расплодившихся животных, разоряющих виноградники, сады и пахотные земли. Использование орудий лова, *engins*, — то есть ловушек и сетей для загона и поимки животного, подтверждает эту мысль¹²⁰. Этот способ охоты совсем не похож на поединок, в котором человек противостоял зверю, из-за чего в древних обществах охота на кабана превращалась в опасный, яростный, боевой подвиг. Отныне охота на кабана начинает сближаться с охотой на волка и тем самым утрачивает значение аристократического ритуала. В конце Средневековья кабанина, которую так любили римляне, галлы и германцы и которая по-прежнему высоко ценилась в феодальную эпоху, стала постепенно исчезать с королевских и герцогских столов. С тех пор ей предпочитают мясо водоплавающих птиц, а из крупной дичи — мясо оленя, оленухи или лани¹²¹. Последнюю начинают разводить в парках — и для забавы, и в качестве новой дичи.

Чтобы понять, почему между ранним и зрелым Средневековьем произошла такая переоценка этих видов охоты, необходимо также учитывать и то, на каких территориях эта охота устраивалась. Для охоты на оленя, которого «травят собаками», так же как и косулю, лань, лису и зайца¹²², требуются более обширные пространства, чем для охоты на кабана. И вот в королевствах и крупных ленных владениях Западной Европы столетие за столетием распространяется такое юридическое установление, как *foresta*, то есть охотничье право, подконтрольное власти наследных правителей (или даже закрепленное за одним лишь сюзереном). Так что начиная с XII века во многих странах и областях короли и князья оказываются в конечном итоге единственными, кто располагает достаточно протяженными для оленьей охоты территориями¹²³. Простые сеньоры, не имеющие обширных лесов, где, не будучи скованы юридическими или феодальными ограничениями, они могли бы с полным правом гнать оленя, вынуждены довольствоваться охотой на кабана. Тем самым они способствуют падению престижа кабаньей охоты, тогда как охота на

оленя, некогда менее уважаемая, становится в полном смысле слова королевской. К тому же на оленя всегда охотятся верхом, в то время как охота на кабана начинается как конная, а заканчивается как пешая. С XI–XII веков редко кто из королей или князей согласится охотиться пешим, подобно пажу или виллану.

Хотя мы и не можем выстроить точной хронологии, можно допустить, что в Англии и Франции в период с начала XII до середины XIII века охота на оленя стала престижнее охоты на кабана; в Италии и в германских странах этот иерархический переворот произошел позднее, вероятно к концу XIV или началу XV века; а в Испании и Португалии — еще позже, на заре Нового времени.

Кабан, дьявольский зверь

Несмотря на все вышесказанное, феодальное право и эволюция охотничьих техник не могут исчерпывающе объяснить падение престижа кабаньей охоты. Есть и другие причины, имеющие отношение к символическому значению самого животного. Или, скорее, к тому, какое место кабан стараниями Церкви занимает в бестиарии. Здесь отношение к нему с давних пор было негативным. Почти не отступая от дискурса античных текстов и сохраняя за кабаном все те эпитеты, которыми его наградили латинские авторы (*acer, ferox, fulmineus, saevus, violentus* и т. д.), Отцы Церкви превратили животное, которым так восхищались римские охотники, кельтские друиды и германские воины, в нечистого и устрашающего зверя, попирающего Добро, закрепив за ним образ грешника, восстающего против Бога. Августин, комментируя псалом 80 [79], в котором говорится о вепре, опустошающем виноградники Господа, первым превращает кабана в дьявольское создание¹²⁴. Несколько десятилетий спустя Исидор Севильский обращает внимание на то, что имя свое кабан получил из-за своей свирепости: «вепря (арег) зовут так из-за его свирепости (a feritate), заменяя букву р на f» (“Aper a feritate vocatus, ablata f littera et subrogata p dicitur”)¹²⁵. Наконец, в IX веке Рабан Мавр окончательно закрепляет за кабаном inferнальную символику, помещая его в самый центр дьявольского бестиария¹²⁶. Некоторые его высказывания будут слово в слово

повторяться в латинских бестиариях XI–XII веков, а затем в великих энциклопедиях XIII века¹²⁷.

В ту же эпоху сходные мысли о дьявольском происхождении свирепости кабана встречаются в проповедях, ехетрла, трактатах о пороках и бестиариях. Храбрость кабана, воспетая римскими поэтами, превратилась в слепую и разрушительную жестокость. Его ночной образ жизни, темная масть, глаза и клыки, будто бы мечущие искры, — все заставляет видеть в нем зверя, который вышел из самой бездны ада, чтобы терзать людей и бунтовать против Бога. Кaban безобразен, он брызжет слюной, дурно пахнет, поднимает шум, у него полосатая щетина, дыбом стоящая на спине, а «из пасти у него растут рога¹²⁸»; по всему понятно: кабан — воплощение Сатаны.

В конце Средневековья негативный образ кабана даже сгущается, так как ему начинают приписывать пороки, которыми до тех пор была наделена только домашняя свинья: нечистоплотность, прожорливость, невоздержанность, похотливость, лень. В представлениях и восприятии людей раннего Средневековья эти животные не смешивались; начиная же с XIV века это случается с некоторой периодичностью, если не сказать часто. Это подтверждает то, как была воспринята смерть короля Франции Филиппа Красивого в конце 1314 года¹²⁹. Он погиб в результате несчастного случая, произошедшего на охоте в Компьенском лесу при столкновении с кабаном. Два-три века раньше подобная смерть была бы воспринята как героическая, более того, поистине королевская. Но в начале XIV века все было уже по-другому. Эта смерть, хотя виновником ее стал именно дикий кабан, напоминает современникам странную смерть принца Филиппа, сына Людовика VI Толстого, примерно за двести лет до этого: в октябре 1131 года на улице Парижа обыкновенный *roscus diabolicus**, как пишет Сугерий¹³⁰, кинулся под ноги коню, на котором ехал юный принц, в результате чего последний упал с лошади и умер, а капетингская династия покрылась несмываемым позором, который в будущем не смогут окончательно стереть даже девственные лилии на королевском гербе. По обычаю первых капетингских королей, который должен был обеспечивать

* Дьявольская свинья (лат.). — Прим. перев.

преемственность династии, принц Филипп был уже при жизни отца коронован королем Франции. Обычная беспризорная свинья стала причиной смерти *rex junior iam coronatus**, и смерть эта во всем христианском мире была воспринята как исключительно постыдная¹³¹. Ничего внешне схожего со смертью Филиппа Красивого в ноябре 1314 года. И тем не менее в хрониках, пасквилях и памфлетах то и дело подчеркивается мысль о том, что французская монархия снова стала жертвой свиньи и что опозоренный король заплатил таким образом за все свои подлости и предательства. Незыблемая некогда символическая граница между свиньей домашней и свиньей дикой перестала быть непреодолимой.

Действительно, начиная с середины XIII века в теологических суммах о пороках, в сборниках *exempla*, а кроме того, в литературных или иконографических бестиариях, где речь идет о семи смертных грехах, кабан, кажется, собрал в себе все грехи и пороки, которые раньше были распределены между домашней и дикой свиньей: *violentia* (жестокость), *furor* (ярость), *cruor* (дикость), *ira* (гнев), *superbia* (гордыню), *obstinatio* (упрямство), *rapacitas* (алчность), *impietas* (нечестивость) — с одной стороны; *sorditia* (нечистоплотность), *foeditas* (безобразие), *libido* (распутство), *intemperantia* (невоздержанность), *gula* (чревоугодие), *pigritia* (леность) — с другой. Когда в конце Средневековья сложилась механически составленная система семи грехов, противопоставленных семи добродетелям, кабан оказался единственным из всех животных, кто удостоился чести стать символом шести из семи смертных грехов: *superbia* (гордыни), *luxuria* (похоти), *ira* (гнева), *gula* (чревоугодия), *invidia* (зависти) и *acedia* (праздности)! Ему не приписывается только *avaritia* (алчность)¹³². На немецких миниатюрах и гобеленах XV века, где под видом копейного поединка или турнира изображается противостояние пороков и добродетелей, кабан фигурирует в качестве верхового животного, нашлемника или геральдической эмблемы любого из шести вышеупомянутых персонифицированных смертных грехов. В лагере противников Христа кабан — безусловный лидер¹³³.

* Уже коронованный молодой король (лат). — Прим. ред.

Впрочем, все ту же inferнальную природу кабана несколькими десятилетиями раньше стремился подчеркнуть и Генрих де Феррьер в своих «Книгах о короле Модусе и королеве Рацио», когда перечислял десять моральных качеств кабана, приравнивая их к десяти «заповедям Антихриста»¹³⁴. Они опять-таки отсылают к пяти или шести смертным грехам: гордыне, гневу, похоти, праздности, чревоугодию и, возможно, зависти. Да и физический облик животного всеми своими чертами напоминает об аде: черной шерстью, вздыбленной на спине колючей щетиной, невыносимым запахом, ужасающим ревом, агрессивностью в период гона, внезапными вспышками ярости, клыками, которые разрывают все, во что вопьются. Описания кабана в XIV веке не так чтобы сильно отличались от описаний римских авторов, просто все те качества, которые в языческой Античности вызывали восхищение, отныне заставляют видеть в кабане существо inferнальное.

Олень, животное Христа

Этому дьявольскому зверю Генрих де Феррьер противопоставляет животное Христа — оленя: его десять качеств соответствуют десяти качествам кабана, а десять отростков на рогах ставятся в параллель к десяти заповедям: «И десять ответвлений его рогов являют десять заповедей, каковые Иисус Христос даровал человеку для защиты от трех врагов: от плоти, от дьявола и от мира»¹³⁵. Ему вторит Гастон Феб, награждая оленя всеми возможными добродетелями и назначая его главной королевской добычей¹³⁶. Перечисляя различные качества оленя, оба автора всего лишь подхватывают традицию восхваления этого животного, каковая существовала с раннехристианских времен и прошла через все христианское Средневековье.

Отцы Церкви, а вслед за ними и авторы латинских бестиариев, рассматривающие оленя как солнечного зверя, солярное существо, посредника между Небом и землей, в действительности опираются на ряд древних традиций. Отсюда же берут начало все агиографические, а затем и литературные легенды о белом олене, золотом олене, крылатом олене, о встрече охотника с чудесным оленем, у которого между рогами сияет крест. Олень,

к тому же, становится символом плодородия и воскрешения (разве рога не отрастают заново каждый год?), образом крещения, противником Зла. Авторы вспоминают фразу Плиния, в которой говорилось, что олень враждует со змеей, которую заставляет выползти из норы и затем убивает¹³⁷. Они без конца комментируют знаменитый стих из 42 [41] псалма, в котором говорится, что душа праведника так же желает приблизиться к Господу, как олень — к источнику воды¹³⁸. Сознательно отмечая негативные и сексуальные аспекты символики оленя*, Отцы и теологи превращают его в чистое и целомудренное животное, олицетворение доброго христианина, атрибут или субститут** Христа наряду с агнцем или единорогом. Ради этого они смело играют на созвучии слов, сближая *servus**** и *cervus*****: олень — это Спаситель.

Книги об охоте с полным основанием подхватывают это уподобление: олень — жертвенное животное, дичь, ритуально приносимая в жертву, как то следует из четко прописанных правил и обычаев, на которых останавливаются все кинегетические трактаты; его ритуальная смерть уподобляется Страстям Христовым. Литературные тексты также опираются на игру слов *servus* и *cervus*, превращая оленью охоту в метафору спасительной любви¹³⁹.

Возвышая оленя, которого античные охотники считали трусливым и недостойным внимания, и принижая кабана, которого едва ли не боготворили охотники и воины-варвары, средневековая Церковь постепенно перевернула иерархию охоты. Подобно тому как в период между ранним Средневековьем и XII веком она с успехом низвергла медведя (коренного антропоморфного зверя, являвшегося объектом сомнительных верований и культов) с тро-

* Олень в Средние века, как и в греко-римской Античности, остается устойчивым символом похотливости и сексуальности. Многие священнослужители запрещают своей пастве «изображать оленя», то есть во время карнавала или традиционных праздников переодеваться в оленя и, выставляя напоказ огромный половой член, имитировать соитие.

** Замена, замещение. — Прим. ред.

*** Слуга (лат.). — Прим. перев.

**** Олень (лат.). — Прим. перев.

на царя зверей во всей Северной Европе и посадила на его место льва (экзотического, библейского зверя, ничем не угрожавшего христианской религии)¹⁴⁰, Церковь мало-помалу и кабана лишила статуса королевской и княжеской добычи, присвоив оный оленю. Это замещение произошло не сразу и не везде проходило одинаковыми темпами. Однако первые его следы обнаруживаются уже в артуровской литературе второй половины XII века: Артур, король-медведь, который в раннесредневековых валлийских легендах охотился на белую кабаниху¹⁴¹, теперь, в прологе первого романа Кретьена де Труа «Эрек и Энида», охотится на «белого оленя»¹⁴². Тем самым примерно в 1170 году шампанский поэт вводит топос, который будет подхвачен большинством его продолжателей и в согласии с которым охота на оленя станет королевской во всей куртуазной литературе XIII века¹⁴³. Литературная модель — где раньше, где позже — повлияет и на реальные охотничьи практики: с XIII века — во Франции и в Англии, в конце Средневековья — в Германии, Италии и Испании.

Охота и церковь

Духовенство сыграло первостепенную роль в возвышении и утверждении оленя в качестве королевской дичи. Церкви, враждебно настроенной по отношению к охоте как таковой¹⁴⁴, охота на оленя представлялась наименьшим злом. Она не такая дикая, как охота на медведя¹⁴⁵ — все еще имевшая место в Пиренеях в XIV–XV веках¹⁴⁶ — или охота на кабана. Она не заканчивается кровавым поединком человека со зверем. На ней погибает меньше людей и собак. Она не столь разорительна для урожаев, производит меньше звериного воя и вони, а окончание ее чаще всего диктуется усталостью людей, собак и дичи. Конечно, она не такая спокойная, как птичья охота, а осенью, в период гона, когда взрослые самцы входят в сексуальный раж, она даже приобретает ожесточенный характер. Однако вне зависимости от времени года преследование оленя не вводит охотника в состояние, близкое к трансу или бешенству, в которое его может погрузить схватка с медведем или кабаном¹⁴⁷. Одним словом, охота на оленя более цивилизована, лучше поддается контролю.

Кроме того, символика оленя позволяет придать охоте поистине христианское измерение. В средневековых повествованиях святой всегда являет собой антитезу охотнику. Но если речь идет об охоте на оленя, то и охотник может стать святым. Как в легенде о Евстафии, римском военачальнике и ярмом охотнике, который, преследуя как-то раз оленя, узрел распятие у него между рогами; после этого видения он вместе со всей своей семьей обратился в христианство¹⁴⁸. Или в похожей, чуть более поздней легенде о Губерте, сыне герцога Аквитанского, у которого было такое же видение во время охоты в страстную пятницу; он совершенно изменил свою жизнь, уехал проповедовать в Арденны и стал первым епископом Льежским¹⁴⁹; в Новое время, в результате некоего переноса, он стал святым целителем, к которому в особенности обращались жители мозанской и прирейнской областей за излечением всех видов бешенства¹⁵⁰. Олень всегда находился под контролем Церкви. Над медведем и кабаном она не обладала практически никакой властью. Единственная возможная в этом случае стратегия состояла в том, чтобы демонизировать обоих животных и тем самым принизить значимость охоты на них. Что и было сделано в XII–XIII веках: Церковь расчистила место, и теперь олень — и только олень — окончательно приобрел высокий статус королевской дичи.

За все время с поздней Античности и до конца Средних веков Церкви, как бы ей того ни хотелось, так и не удалось уничтожить охоту. Это было невозможно: в Средневековье всякий король, князь или сеньор воспринимал охоту, одаривание пойманной добычей или ее раздел как свою обязанность. Однако Церковь сумела канализировать охоту в иное русло, отвратить ее от дикой, языческой тропы и направить по менее опасному пути. Десакрализация медведя и кабана, с одной стороны, и возвышение оленя, с другой, оказались самыми эффективными средствами для осуществления этого замысла.